

Сергей Прокопьев

90-й ПСАЛОМ

Арганская сага

16+

Сергей Прокопьев

90-й ПСАЛОМ

«Автор»

2016

Прокопьев С. Н.

90-й ПСАЛОМ / С. Н. Прокопьев — «Автор», 2016

Герой повести – старшина роты Андрей. Его танковый батальон обеспечивал проводку автоколонн между Кундузом и Файзабадом. Из Союза шли в Афган колонны с горючим, продовольствием, боеприпасами. Задача роты провести колонну на своём участке. Обезвредить мины, отбиться от засад. Ни разу душманам не удавалось сильно потрепать колонну, на это кишка была тонка, но редко обходилось без боев. Теряли машины, бронетехнику, гибли воины... И гарнизон, где стояла рота, подвергался нападениям. Перед Афганом жена вручила Андрею листок с молитвой «Живый в помощи Вышняго»: «Держи постоянно при себе». Так и делал.

© Прокопьев С. Н., 2016

© Автор, 2016

Содержание

90-й ПСАЛОМ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

90-й ПСАЛОМ

Повесть

Своего Дня Победы у ветеранов афганской войны не имелось. Ругай матерно бумажных стратегов из московских штабов, не ругай – делу не поможешь. Но у тех, кому довелось воевать по приказу свыше, и по воле Создателя вернуться живым – повелось собираться 15 февраля, в день вывода советских войск из Афганистана, завершения этой, не ахти какой славной кампании. Встречались в девять утра у кафедрального собора, стояли на службе, потом ехали по кладбищам, где похоронены собратья по оружию, и в завершение – поминальный обед. Пятнадцатого февраля 2004-го событие подошло к юбилею – пятнадцать лет со дня вывода войск из Афгана. Панихиду по убиенным служил митрополит. Процентом на восемьдесят в храме стояли мужики. Были холёные, хорошо, даже очень, одетые. А кто-то в потёртой курточке с похмельными глазами. Много женщин в чёрных платках – матери погибших. Седой старик попросил женщину, что торговала свечами:

– Дочка, найди внука.

Назвал фамилию. На северной стене храма висели три мраморные доски с именами погибших афганцев. Женщина взяла большую свечу, как указкой, привстав на цыпочки, показала нужную старику строчку.

– Внук, – повторил он изменившимся голосом и вытер пальцем назревшую в углу глаза слезу.

Панихида шла к завершению, когда появились двое колясочников, им дали дорогу... Потом митрополит отправился с афганцами по кладбищам.

Возвращаясь после поминального обеда по темноте, Андрей Левко, «окопный» афганский стаж исчислялся с 1981 года по 1983-й, купился на элементарную мякинку. «Как лопух гражданский!» – смеялся в госпитале. Подленький фокус не удался бы клоуну с камнем за пазухой ни через год после возвращения Андрея из Афганистана, ни через два. В первое время у жены – его дорогой, терпеливой, любимой Олюшки – прорывалось:

– Ты как затравленный волк!

Вечером пойдут прогуляться, машина из боковой улицы выскочит, или раздастся резкий звук или кто-то появится из темноты, Андрей тут же напрягался. В гостях, тем более в кафе садился так, чтобы за спиной никого не было, но сам видел всех. Делал это машинально. Самому казалось, каким был до Афгана – таким и остался.

– Брось городить! – не без раздражения перебивал жену. – Ничего не изменился!

Но случалось, что уж тут скрывать, – ловил себя, как мгновенно реагирует на резкий звук за спиной, а по руке молнией проскакивает въевшийся во все поры импульс – схватить автомат. Давным-давно нет стрелкового оружия под рукой, а поди ж ты...

Впервые автоматный казус случился в хоровом исполнении. Только-только навсегда пересекли воздушную границу с войной, прилетели в Ташкент. Возбуждённые – теперь уж точно живыми вернулись!.. Взлетев с аэродрома в Кабуле, суеверно побаивались думать: «Всё! Конец войне!» Как и лётчики, которые поздравили по громкой связи с возвращением на Родину лишь в момент, когда самолёт достиг территории Советского Союза. Вчетвером, все из их дивизии, мчались на такси по Ташкенту, вдруг по крыше «Волги» ударила ветка, и все разом, как по команде, дёрнулись за отсутствующими автоматами. И тут же разом, опять же, как по команде, расхохотались. И не могли остановиться в смехе. Безудержно всю дорогу гоготали над собой, над мнимыми страхами, над этой засевшей в мозгах заряденностью на опасность.

– Во дурни! – повторял старший лейтенант из третьей роты. – Куста на ровном месте забоялись!

Андрей шёл с автобусной остановки домой после встречи в Доме офицеров. Конечно, выпили, конечно, подняли третий тост с перехваченным горлом за погибших... За длинным столом слева от Андрея сидела женщина лет шестидесяти, перед ней фото сына в парадной форме.

– Витя курсы водителей от военкомата окончил, – рассказывала, вытирая слёзы, – возил топливо в Афганистане.

Тактику душманов в отношении «наливняков» Андрей прекрасно знал. КамАЗы или «Уралы» с горючим, идущие в растянувшейся гусеницей колонне, моджахеды норовили подбить в первую очередь. Подкладывая Андрею в тарелку винегрет, женщина приговаривала:

– Как Витенька любил винегрет! Только без зелёного горошка. Наделаю целую кастрюлю, за один присест слупит...

Кто-то за столом, напившись, не стесняясь, плакал... Кто-то, наливаясь водкой, наполнялся злобой. В конце коридора перед дверью в туалет Андрей увидел картинку: мужик лет сорока пяти с Красной Звездой на светлом пиджаке, со стеклянным взглядом стучал по подоконнику кулаком-оковалком и заведённо повторял: «ВДВ! ВДВ! ВДВ!» И тут же, резко переключаясь, зло твердил по другому адресу: «Сволочи! Сволочи! Сволочи!»

Возвращался домой Андрей с болью и тоской в душе. Знал, теперь, как минимум на месяц, пойдут мучительные сны. Обязательно приснится Валентин Скоробогатов.

Десять месяцев воевали бок о бок, дружили. Валентин родом из Сибири, из Ачинска. Танкист. Обещал, когда отвоюют, устроить медвежью охоту.

– Дядька в Чёрной Речке, ростом метр с кепкой, – с восхищением говорил Валентин, – с первого взгляда кажется – соплей со ста метров перешибёшь, а он первый медвежатник на весь район. Медведей своих считал до четвёртого десятка, потом сбился. Обязательно съездим с ним в чернореченскую тайгу.

Танковая рота стояла в Тулукане. Один из оплотов Советской Армии в тягучей войне без линии фронта. Танковый батальон был разбросан по «точкам». Первая рота стояла в Тулукане, здесь располагался штаб батальона и приданные ему мотострелковый взвод, артиллерийская батарея, третья – в Кишиме, вторая – поначалу в Ханабаде, в самом городе, а потом её перевели в Кундуз охранять аэродром. Роты обеспечивали проводку автоколонн на участке между Кундузом и Файзабадом. Дивизия стояла в Кундузе, на плато, дальше дорога забирала вверх, в горы.

Их гарнизон обеспечивал проводку на участке от моста через реку Банги (тридцать километров от Тулукана в сторону Кундуза) и в сторону Файзабада до Кишима (семьдесят километров). Из Союза идёт колонна с горючим, продовольствием, боеприпасами и всяким разным армейским скарбом, необходимым для жизнеспособности театра военных действий в Горном Бадахшане. Задача роты провести колонну на своём отрезке дороги и с наименьшим количеством потерь передать следующему подразделению. Обезвредить мины, отбиться от засад. Ни разу моджахедам не удавалось сильно потрепать колонну, на это кишка была тонка, но редко когда обходилось без боестолкновений. Теряли машины, бронетехнику, гибли воины... Проводки без выстрелов случались только зимой и в короткое время уборки урожая. Душманы, в основном это были декхане, на этот период «перековывали мечи на орала» и становились мирными крестьянами.

Андрей был старшиной роты. Одна из его обязанностей – вывоз с поля боя убитых и раненых, «двухсотых» и «трёхсотых». Их подбором при следовании колонны занималась свободная рота. Если первая вела караван в сторону Кишима, то третья (кишимская) вывозила потери, и наоборот, если третья обеспечивала прохождение в сторону Тулукана. В этом случае Андрей ждал на «точке» приказа: «Вывозить раненых!» Для чего выделялось два БМП и танк.

Случалось, колонна попадала в такой переплёт, что набивали этот транспорт под завязку, порой не хватало места за один раз увезти. Как-то из Файзабада порожняком шла колонна, и так зажали под Кишимом: двадцать человек погибло, восемь разорвало – страшно смотреть. Руки, ноги, куски плоти... Бой идёт, они подлетели раненых и убитых вывозить. Обычная тактика в таких случаях – ударить из всех стволов по духам, заставить вжаться в камни, хотя бы на краткое время заткнуть их пулемёты и автоматы. Дать возможность забрать потери. Счёт идёт на минуты, знай поворачивайся, таская раненых, подбирая фрагменты убитых в простыни, брезент... На «точке» Андрею распределять, где чьи останки, писать для каждого набора записку перед отправкой в Кундуз, там готовили «двухсотых» для «Чёрного тюльпана». Собирали в бою фрагменты чаще с фельдшером, солдат, особенно молодых, при виде кровавых, обгорелых кусков, вскрытых внутренностей выворачивало... Поэтому Андрей сам формировал «кульки», солдатам приказывал грузить их в БМП, дефицит времени требовал скорости... Старались забирать всё, но что-то могло улететь за камни...

А сколько смертей нелепых, страшно обидных... И тогда на «точке», развернув брезент, выстраивал солдат-салаг вокруг окровавленных трупов и пытался достучаться до чувства самосохранения:

– Зачем он высунулся из люка? Идёт бой, он механик-водитель, в любой момент жди приказа развернуть танк, отъехать в укрытие, или наводчику не видно из-за дерева... Выполняй свои обязанности. Нет, ему стало скучно, высунулся из люка посмотреть. Он же знает, танк стреляет прямой наводкой, дуло опущено. Нет, вылез! Башня поворачивается – и он без головы...

Андрей заводился от вида по глупости погибших ребят, совсем пацанов, кричал на живых, чтобы не оказались и они вот так же на брезенте. Из-за дурацкой сигареты, из-за детского любопытства.

– Сколько раз вас предупреждал, – срывался на крик, – ни на секунду не расслабляться! Вот Антониук лежит! Что ему надо было? Зачем вылез на броню? Скажите, пожалуйста?

Требовал дать ответ о причинах смерти. Хотел, чтобы засело в мозгах кровавой меткой, отпечталось жутким видом погибших товарищей, как можно погибнуть не за понюх табаку. Учил на чужих ошибках. Чтобы не повторяли их. Но повторяли...

– Надо было ему головой думать! – кричал Андрей. – Бой затих, отбились, моджахеды ушли. Забирайся в БМП и отдыхай! Ему невтерпёж посмотреть. Ну, глянь в триплекс. Нет, надо обязательно с брони, так виднее. И подставился снайперу. Эти флегматики часами могут сидеть и ждать ротозея! Не верьте тишине на операции!

Антонюка привезли на «точку» живым. И вдруг умирает.

– Миша, – крикнул Андрей фельдшеру, – сердце останавливается!

Фельдшер ставит прямой укол в сердце. Не помогает. И не видно, куда ранило? Грудь, спина, голова – никаких следов. Руку левую подняли... Пуля попала под мышку, со спичечную головку входное отверстие... Было и такое: снимают раненому гимнастёрку, брюки – чисто, ни одного пятнышка. А он кончается... Снимают трусы... В мошонку вошла пуля, калибр 5,45 со смещённым центром тяжести. Крутится в теле...

Как кипела в нём злость, когда прилетали за ранеными и убитыми, а моджахеды успевали в суматохе боя изуродовать ножами труп, а то и не только труп... Подбили бензовоз, дымища, гарь, ничего не видно, духи вынырнули с обочины в советской форме, оттащили труп, отхватили уши, нос, отрубили кисти рук и голову – восточный бизнес. Однажды раненого без сознания схватили, но наши вовремя заметили, пустились в погоню, моджахеды, на ходу успели отрезать уши, чтобы сдать за оплату... Насколько сложно определить принадлежность обезглавленного тела... Андрей однажды проговорился жене, потом ругал себя. По какому-то поводу заспорили, он бросил:

– Да что тело? Спал рядом с человеком полгода, а без головы... Вроде Саня, очень похож, мощный был парень, старлей, но не могу точно сказать. И никто не уверен до конца... Потом всё же решили – да, это он...

Гробы были с окошечком напротив лица, а были без. Гробы сопровождалась надписью «вскрытию не подлежит».

Андрей как-то занялся подсчётами, вышло, что за два его афганских года погибших у них в полку как раз на батальон набралось. Погиб командир батальона, зампотех, гибли командиры рот, взводов, старшины, солдаты.

Комбат, капитан Вениаминов, погиб через два месяца, как принял батальон. Просили его не садиться в БМП. Нет, твердил своё:

– Я должен видеть, куда вас веду!

Не сел в танк. И на фугасе подорвались. Скорее всего – управляемый. В рисовом поле сидел в окопчике душман и сёк, что и как. Танк пропустил и соединил контакты, когда подошёл БМП... Из семи человек только командир взвода остался жив. Он не доверил механику-водителю комбата, сам сел за рычаги. Участок был из миноопасных, без асфальтового покрытия. Летели на скорости на случай закладки фугаса, чтобы взрыв пришёлся вскользь на корму, и тогда весь урон – только и всего, что швырнёт БМП вперёд. Рвануло посередине. Башня метров на десять отлетела. Командира взвода выкинуло из люка. Как огурец из банки вылетел. Кожу на спине от затылка до пояса сорвало вместе с одеждой, как и не было. Кровавое мясо на спине. Думали: всё... Нет, дышит. Андрею показалось и комбат живой. Подбежал к нему, переворачивает, а из горла придушенный стон. С таким не раз сталкивался, голосовые связки трупа, когда ворочаешь его, издавали звуки, похожие на хрип. У капитана был расколот череп, умер мгновенно.

В самый первый день Андрея на «точке» пятерых воинов отправили в Кундуз, оттуда на «Чёрном тюльпане» навечно домой: старшину, сержанта и троих солдат.

Одни погибали, на смену присылали других. Такая «ротация». Уезжали домой отслужившие, и не было месяца без потерь. И как уж там статистики насчитали за все годы войны всего пятнадцать тысяч погибших?..

Боевой кулак Тулукана – четырнадцать танков Т-62, четыре БМП-2, батарея артиллерии – шесть орудий, мотострелковый взвод, сапёры. Из живой силы чуть более ста бойцов. Как говорилось выше, в Тулукане располагался штаб батальона.

Практически каждую неделю они проводили колонну, а то и чаще в теплое время. С декабря по начало марта перевалы закрыты, работы было меньше. Сначала колонна шла в направлении Файзабада, а дня через три порожняком двигалась обратно. На свой участок дороги выдвигались заранее.

– Проверим духов на вшивость! – неизменно говорил Валентин.

Сапёры исследовали дорожную колею, особенно участки без асфальтового покрытия, корректировщик давал цели артиллеристам – те с «точки» обрабатывали «узкие» места... Затем принимали колонну от соседей и вели её... Иногда колонна ночевала на плато у Тулукана...

Во главе каравана ставили машины с боеприпасами: если что случится у них с двигателем или с колёсами, танк берёт на крюки и тащит. Излюбленные цели душманов «наливняки» – топливозаправщики. Это бомбы на колесах. Их распределяли по всей колонне. При поджоге тут же сталкивали танком с колеи во избежание затора. Что полная цистерна, что пустая горят со страшной силой. Подобьют, главное – людей спасти, пылающее железо быстрее на обочину. Не останавливаться. Тормознулись, стоячих мишеней – стреляй не хочу. В колонне пятьдесят и более машин. Каждое лето шли три больших каравана для завоза на год овощей, угля, дров, ГСМ, боеприпасов... В таком караване двигалось от двухсот до трёхсот машин плюс бронетехника сопровождения. Автоцистерны горели бушующим чадящим пламенем. Зрелище огня,

дыма до неба давило на психику. Поэтому душманы в первую очередь целились в бочки с горючкой, дабы создать сумятицу, сломать порядок движения, застопорить колонну и работать по ней из крупнокалиберных пулемётов, гранатомётов, щёлкать воинов из снайперских винтовок...

Кроме колонн на Файзабад были и свои – «тыловые». В них входили три-восемь топливозаправщиков, пять-десять бортовых для доставки продовольствия и боеприпасов, техника взвода обеспечения батальона и артбатареи. В охране колонны шли четыре-пять танков плюс два-три БМП. Из соображения безопасности строго держались правила – колонна выдвигалась из гарнизона внезапно. Зачастую даже в дивизию, чтобы встретили, сообщали на подходе к Кундузу. Бережёного Бог бережёт.

На ту пору командовал батальоном капитан Штонда. Из выскочек. Папа в Союзе начальник штаба округа, сына, что без году неделя как из училища, за звёздами и орденами отправил в Афган. Не взводом, само собой, командовать. Вступил он в должность вообще старлеем, замы – капитаны, майоры. Вскоре капитана получил. Папины дрожжи работали. Вёл себя похамски. При проводке в сторону Файзабада был довольно приличный участок, где поблизости от дороги добывалась соль. В жару невидимые микрочастицы наполняли воздух, попадая в глаза, раздражали слизистую, вызывали жжение, боль. Как-то вернулись оттуда после тяжёлой операции, пошли к комбату доложить. Тот сидит, развалившись, даже позы не поменял при появлении подчинённых. Ротный опустил на табуретку.

– Что это вы расселись? – рявкнул. – Встать!

Два капитана, два майора стояли перед ним уставшие, глаза красные...

У Штонды вылетела пломба из зуба, он решил полечиться в дивизионном госпитале. О том, что лично поведёт колонну, растрезвонил всем нашим советникам в Талукане. Ротному, Валерию Шевченко, приказал остаться за себя в гарнизоне.

Валентину Скоробогатову всего ничего осталось до возвращения в Союз, он не должен был идти с той колонной от танкистов, напросился сам. Перед заменой решил перевести деньги родителям в Ачинск, чтобы те, готовясь к свадьбе сына-офицера, не считали копейки.

Длинный язык комбата привёл к тому, что утром, колонна ещё не начала вытягиваться из гарнизона, а на дороге ждали её с десятков машин афганского пехотного полка с новобранцами, которых набирали по кишлакам по принципу, кто не сбежал – иди сюда воевать за идеи афганской революции. Казалось бы, ну прибавилось несколько машин, велика ли беда. Беда заключалась в том, что на колонны, в которых были новобранцы, душманы огня не жалели. Им самим, теряющим воинов в боях, требовалось пополнение банд. А здесь оно уже мобилизовано, как не попробовать отбить и поставить под свои знамёна.

Появление новобранцев меняло ситуацию в корне. Информация о том, что будет колонна с ними, явно, ушла в банды. Валерий Шевченко на правах ротного сунулся к комбату, чтобы тот отдал приказ об усилении охранения. У Штонды сидел губернатор провинции и его советник (второй секретарь горкома партии Душанбе), приехали проводить пополнение. Шевченко начал докладывать свои соображения, комбат прервал его, дескать, не надо меня учить.

Оказалось, очень даже надо. Комбат сел не в БМП, а в бортовой КамАЗ, шедший порожняком. Вместо того, чтобы возглавить колонну, поехал пассажиром. Ротный, видя такое дело, изменил задачу охранению, порядок действия по участкам. Двум танкам – одним командовал Валентин, вторым сержант Ермохин – приказал идти в арьергарде, прикрывать проход опасных участков, а командиру взвода мотострелков лейтенанту Бурмистрову – вести колонну.

Понимал, навряд ли удастся избежать боя. Гарнизон поднял по тревоге в готовности к выходу. Сам сидел в БТРе связи – слушал эфир.

Участок у реки Банги был узким местом для связи, она не отличалась стабильностью в том районе. Бурмистров доложил, что начался обстрел, а затем связь прервалась. Ротный сидел в нетерпении, несколько раз заглядывал Андрей с немym вопросом: что там?

Минут через двадцать вышел на связь сержант Ермохин. Доложил, что у Банги их обстреляли, но обошлось без потерь. Они на подходе к Ханабату (от Банги пятнадцать километров). Его танк следовал в охранении предпоследним, но танка Валентина, замыкающего колонну, всё ещё нет. На связь Валентин не выходит.

Это было очень даже партизанское место – лысая без единого дерева, поросшая травой гора, которую огибает дорога, а за поворотом на склоне метрах в ста от шоссе – «зелёнка Банги». Пологий участок с арыком, по берегам полосой шли заросли. Тут же брошенный кишлак. Оттуда душманы ударили по танку Валентина. Отстреливаясь, он гусеницей наскочил на мину, обезножил после взрыва, оставив гусеницу на дороге, и ушёл под откос метров в тридцать в рисовое поле. Душманы не те партизаны – напакостить и умыть руки. Увидев, что колонна ушла, принялись воевать до полной победы, дабы прикончить экипаж. Стали подбираться вплотную. Валентин руки вверх не поднял, прямой наводкой долбит моджахедов. Наводчика не брали в экипаж: зачем лишним человеком рисковать. Командир сам вёл стрельбу. По грудь высунулся из люка, крышку вертикально поставил и посылает один за другим жаркий привет от советских воинов.

Ход предстоящего боя противник, устраивая засаду, нарисовал загодя. В рисовом поле, что тянулось с другой стороны дороги, залёг стрелок – а может, не один – с винтовкой Бур. Знатная машина. Созданная в девятнадцатом веке в Англии она использовалась англичанами в Африке в англо-бурской войне в 1899–1902 годах. Потом её не раз модернизировали. Калибр 7,7. Патроны были и с дымным порохом, и бездымным. В Афгане попадались самые разные модели. Немало винтовок осталось ещё с англо-афганской войны. Убойная сила жуткая. Прицельная стрельба – более километра. Бронежилеты пуля из Бура пробивала на раз. Да что бронежилеты, случалось – вертолёты сбивали.

Из такой винтовки ранили Валентина. Грудь и голову крышка люка защищала, а спина, как в тире... Стрелок, может – лёжа, может – с колена, а может – поднялся с рисового поля и совершенно спокойно, был в полной безопасности (бой в другой стороне), времени прицелиться достаточно... Пуля играючи пробилась тело насквозь. Рядом с сердцем прошла, чуть бы влево, и всё закончилось ещё там... Момент ранения совпал с выстрелом пушки. Теряя сознание, командир рухнул внутрь танка на место наводчика и получил ещё одно ранение – ограждение казенника пушки сломало правую ногу, как спичку...

Ротный отдал команду Ермохину вернуться к Банги, выяснить, что с Валентином, а Бурмистрову приказал перестроить колонну на плато и ждать танки Валентина и Ермохина. Но тут комбат Штонда (кто в доме хозяин!) принимает своё решение: двигаться вперёд и никого не ждать. Только в Кундуз без всяких остановок. Ермохин ещё до команды комбата «вперёд» развернул свой танк в сторону Банги, по дороге ему удалось связаться с танком Валентина, наводчик ефрейтор Файзулин доложил: танк подбит, а Валентин тяжело ранен, духи обстреливают со всех сторон. Ротный поставил Ермохину задачу занять лысую гору у Банги и прикрывать сверху подбитый танк пулемётным огнём. Сам с группой на двух танках и БМП мотострелков (Андрей был в БМП) полетел из гарнизона на подмогу.

Когда прибыли к месту засады моджахедов, танк Валентина уже перестал быть грозным оружием. Гора железа. Если бы не вовремя подоспевший Ермохин, душманы праздновали бы победу, отрезая головы танкистам в качестве вешаков для премиальных. И вдруг появляются ещё одни желающие забрать экипаж. Душманы с прибытием подкрепления к раненному танку и не подумали ретироваться, наоборот – перенесли огневую мощь на новые цели. Обозлились – жалко терять верный заработок. Из пулемётов и автоматов из кишлака и «зелёнки» поливают группу ротного, с рисового поля из винтовок бьют. Котёл, настоящий котёл. Как из него выволять экипаж танка? Вдобавок к душманскому огню в нескольких местах на дороге асфальт зиял свежими дырами, там могли быть мины, фугасы.

Обстрел усиливался, стоило начать продвижение к танку Валентина. Задача. Решение припылило со стороны Тулукана в виде бурдухаек – двух грузопассажирских «тойот». У каждой открытый кузов под завязку набит мирным населением. Афганцы придумали приспособивать «японцев» под пассажирские перевозки. Ставили на борта металлические дуги, за которые пассажиры держались во время движения. В результате модернизации получался вместительный салон для неприхотливых местных жителей. А куда аборигенам деваться? Выбирать из транспортных услуг приходилось между автопёхом по жаре, лошадьё и автомобилем. Железной дороги нет в отсталой горной стране, воздушные суда между деревнями не летают.

Ротный скомандовал Андрею остановить бурдухайки и максимально задействовать местный гражданский материал под боевую задачу. Бросил при этом:

– Кто будет сопротивляться – стреляй!

Пассажиры по требованию Андрея сошли на землю. Угрожая автоматом, Андрей начал строить живой щит вдоль дороги, дабы прикрыть работу сапёров. Пулемёты моджахедов нехотя смолкли на военную хитрость с человеческим фактором, автоматы утихли. Но из винтовок духи продолжали постреливать, несмотря на наличие бородатых соотечественников на линии огня. Андрей ставил в щит одних мужиков. Сапёры вытащили фугас и противотанковую «итальянку». Местных тут же убрали с простреливаемого участка, никого из них душманы не задели.

Танки и БМП мотострелков заняли дорогу напротив подбитого танка Валентина и заставили замолчать огневые точки душманов в «зелёнке» и кишлаке. Андрей и ротный поползли к экипажу. Файзулин с водителем Абазовым уже вытащили Валентина из танка, положили в более менее безопасное место – у кормы. Командир был без сознания, весь в крови. Ротный с Андреем зафиксировали сломанную правую ногу коленом штанги для чистки пушки и бинтами. Потом стащили куртку, нательную рубаху, выход пули был под левым соском. Ротный вколол промедол, затем перевязали раненого, уложили на плащ-палатку и ползком потащили к дороге по колее, которую проложили катки танка, когда он скатился без гусеницы в поле. Возобновилась стрельба на дороге, и тут же сбоку, метрах в семидесяти от подбитого танка из развалин кишлака выскочили несколько духов с винтовками и начали стрелять. Ротный тащил впереди, пуля угодила ему в ногу. Андрею, он тащил сзади, чиркнуло по бедру. Только и всего – брюки пуля подпортила. Абазову и Файзулину досталось крошечком камней, что выбивали пули. Валентину опять не повезло – ранило в плечо. Ермохин вовремя заметил душманов у развалин, ударил по ним из пулемёта и разогнал.

В Кундузе Валентину сделали операцию, тогда-то хирурги и зафиксировали – пуля прошла в миллиметрах от сердца. Собрали ногу, сломанную родным танком, укрепили аппаратом Илизарова, дабы кость нарастить до прежних размеров, извлекли пулю из плеча.

Госпиталь деревянный, модульный. Реанимация – такая же, в двери окошко, стеклом забранное. Андрей постучал, друг увидел, улыбнулся, помахал слабой рукой.

– Ещё повоюем, братишка, попляшем! – сказал в стекло Андрей.

В Валентина что-то вливалось из капельницы. Андрей показал ему большой палец: молоток! И вернулся в хорошем настроении в Тулукан. Через два дня прилетел в Кундуз на вертолёте с вещами Валентина и ротного и столкнулся у хирургии с последним. Тот сидел сам не свой.

– Валера, что случилось?

– Да голова раскалывается, – отвёл глаза ротный и не выдержал... – Валентина больше нет.

– Что ты сказал? – подался к нему всем телом Андрей. – Что ты сказал?!

– Валентин умер!

– Как умер? Не может быть?!

Его перевели из реанимации в общую палату, и вдруг кричит: «Мне плохо!» Сердце останавливается. Ставят прямой укол в сердечную мышцу. Не помогает. Врачи не поймут – в чём причина? Богатырь, столько операций перенёс... При вскрытии оказалось – тромб закупорил сердечный клапан.

Валентину оставалось всего две недели до отправки в Союз. Он запланировал, не откладывая в долгий ящик, жениться дома. Но день свадьбы назначил с учётом скорого отпуска Андрея, который должен был погулять на той свадьбе за всю роту. Ребята уже обдумали, что подарить молодожёнам – японский видеоманитофон. В 1982 году это была большая редкость. Договорились скинуться, и на чеки Андрей купит дефицитную технику. Кроме её решили чайный сервиз на двенадцать персон вручить, в первую очередь – молодой жене.

– Все вместе нагрянем в гости к ним в Ачинск, будем после водки чай гонять! – говорил Валера Шевченко.

Ротный был родом из Донбасса, что за Сибирь-матушка с Енисеем-батюшкой не знал, мечтал выбраться в мирной жизни к другу Валентину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.